

KEITH RICHARDS

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Keith Richards', is written over the printed name. The signature is highly stylized and somewhat obscured by several thick, horizontal black scribbles that cross out the text.

KEITH RICHARDS

Life

[with JAMES FOX]

КИТ РИЧАРДС

ЖИЗНЬ

[Записано ДЖЕЙМСОМ ФОКСОМ]

Перевод с английского
Максима Колопотина

издательство **астрель**

УДК 784(410)
ББК 85.313(3)
P56

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Front cover photograph: © DAVID LACHAPELLE

Back cover photograph: © DEBORAH FEINGOLD

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Ричардс, Кит

P56 Жизнь / Кит РИЧАРДС: пер. с англ. М. КОЛОПОТИНА — Москва : Астрель : CORPUS, 2012. — 784 с.

ISBN 978-5-271-44993-2 (ООО “Издательство Астрель”)

Как родилась одна из величайших групп в истории рок-н-ролла? Как появилась песня *Satisfaction*? Как перенести бремя славы, как не впасть в панику при виде самых красивых женщин в мире и что делать, если твоя машина набита запрещенными препаратами, а на хвосте копы? В своей книге один из основателей *Rolling Stones* Кит Ричардс отвечает на эти вопросы, дает советы, как выжить в самых сложных ситуациях, рассказывает историю рока, учит играть на гитаре и очень подробно объясняет, что такое настоящий рок-н-ролл. Ответ прост: рок-н-ролл — это жизнь. “Жизнь” Кита Ричардса стала абсолютным бестселлером во всем мире, а автор получил за нее литературную премию Нормана Мейлера.

УДК 784(410)
ББК 85.313(3)

ISBN 978-5-271-44993-2 (ООО “Издательство Астрель”)

- © 2010 by Mindless Records, LLC
- © М. Колопотин, перевод на русский язык, 2012
- © А. Бондаренко, оформление, 2012
- © ООО “Издательство Астрель”, 2012
- Издательство CORPUS®

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА ВТОРАЯ	33
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	97
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	143
ГЛАВА ПЯТАЯ	211
ГЛАВА ШЕСТАЯ	273
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	329
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	405
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	451

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	523
ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ	581
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	619
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	699
БЛАГОДАРНОСТИ	747
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	752

Патриции

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*В которой меня останавливает полиция Арканзаса
во время нашего американского тура 1975 года
с последующим противостоянием*

Зачем только мы остановились пообедать в ресторане *4-Dice* в Фордайсе, штат Арканзас? Тем более когда местное население отмечало День независимости. При моем-то десятилетнем опыте автопробегов по Библейскому поясу? Крохотный городок Фордайс. *Rolling Stones* на карандаше у всей американской полиции. Каждый коп мечтает свинтить нас по любому подходящему поводу — шанс выслужиться и заодно избавить родину от этих жалких английских педиков. Стоял 1975 год, пора ожесточения и конфронтации. Охоту на *Stones* официально открыли еще в 1972-м, во время нашего тогдашнего тура, получившего название *STP*¹. Госдепартамент обратил внимание на всеамериканский разгул беспорядков (было), гражданского неповиновения (тоже было), недозволенного секса (что бы это ни значило) и насилия. И все это из-за нас, каких-то бродячих музыкантов. Мы подстрекали молодежь

¹ *Stones Touring Party* — «роллинговская гулянка на гастролях». — *Здесь и далее — прим. перев., если не указано иное.*

к бунту, мы развращали Америку, и потому было принято решение, что в США с гастрольями нас больше не пустят. При Никсоне такие вещи стали вопросом серьезной политики. Еще раньше президент, не стеснявшийся грязных приемов, дал команду своим подручным разобраться с Джоном Ленноном, так как думал, что тот может стоить ему выборов. *Stones*, в свою очередь, — так было официально сказано нашему юристу — получили статус “самой опасной рок-н-рольной группы в мире”.

За последние недели наш героический юрист Билл Картер собственноручно вытащил нас из крупных неприятностей, в которые нас постарались втянуть полицейские управления Мемфиса и Сан-Антонио. И вот теперь вся слава должна была достаться Фордаису, городишке в 4837 жителей, где на эмблеме школьного округа растопырился какой-то красный жук. А ведь Картер вообще советовал нам не ехать через Арканзас и уж как минимум никуда не сворачивать с федеральной трассы. В качестве устрашения он рассказал, что в конгрессе штата недавно чуть не приняли закон, официально запрещающий рок-н-ролл. (Представляю себе его формулировку: “Везде, где громко и настойчиво отбивают четыре удара на такт...”) Но нет, забыв про советы, мы спокойно катили по местным дорогам Арканзаса в новеньком желтом “шевроле импала”. Во всех Соединенных Штатах, наверное, нельзя было придумать более идиотского места для остановки в машине, забитой дурью, чем эта консервативная глушь на Юге, не очень приветливая к чужакам, особенно если они выглядят “не так”.

Вместе со мной были Ронни Вуд, Фредди Сесслер — выдающийся персонаж, мой друг, практически родной отец, который еще не раз будет фигурировать в этой истории, —

плюс Джим Каллахан, долгие годы начальник нашей охраны. Нам нужно было проделать четыреста миль от Мемфиса до Далласа, где у *Stones* на завтра был запланирован концерт на стадионе “Коттон Боул”. Джим Диккинсон, парень с Юга, который играл на фоно в *Wild Horses*, убедил нас, что пейзаж Тексарканы стоит того, чтобы посмотреть на него из окна машины. Вдобавок мы чувствовали, что налетались, перепуганные недавними приключениями на пути из Вашингтона в Мемфис, когда в один момент самолет резко бросило вниз на много тысяч футов, под аккомпанемент криков и слез, с ударом головой о крышу для фотографа Энни Лейбовиц и целованием летного поля приземлении. Пока нас швыряло в воздухе, я, как говорят, удалился в заднюю часть салона и употреблял разные вещества с бóльшим, чем обычно, энтузиазмом, видимо, переживая, что столько добра может пропасть напрасно. Случилась эта паршивая история в знаменитом “Старшипе”, бывшем лайнере Бобби Шермана.

Итак, было решено добираться на машине, и мы с Ронни вели себя особенно по-идиотски. Заехав в некое придорожное место под названием *4-Dice*, все сели, сделали заказ, после чего мы с Ронни удалились в туалет. В смысле взбодриться. И взбодрились. А поскольку ни здешняя клиентура, ни еда не вызывали у нас теплых чувств, мы продолжали торчать в туалете, веселясь и добавляя дозу. Просидели мы там минут сорок. Что здесь делать было не принято, особенно тогда. Это и накалило обстановку — кто-то из персонала позвонил в полицию. Когда мы вышли на улицу, невдалеке у обочины стояла черная машина без номеров, и только мы тронулись, не проехали даже двадцати ярдов, как заорала сирена, замигал огонек, и скоро нам в лицо уставились несколько дробовиков.

На мне была джинсовая кепка с карманчиками, и в каждом из них хранился запас дури. Дурь вообще была где только можно. Даже в дверях машины: нужно было только отковырять панели, чтобы увидеть пластиковые пакеты с коксом и травой, пейотлем и мескалином. Черт, черт, черт, что же нам делать?! Менее подходящего времени для встречи с полицией было не придумать. Чудо, что в этот раз нам вообще разрешили гастролировать в США. Наши визы, добытые благодаря двухлетнему марафону Билла Картера по кабинетам Госдепартамента и Иммиграционной службы, висели на волоске соблюдения множества условий, о чем, кстати, прекрасно знала полиция всех крупных городов. Само собой, условием всех условий было то, что нас не арестовывают за хранение наркотиков, и это Картеру вменялось в личную ответственность.

В ту пору я не принимал ничего тяжелого — почистился перед гастролями. И я спокойно мог оставить свое хозяйство путешествовать в самолете. До сегодняшнего дня не понимаю, зачем было брать все это дерьмо с собой в дорогу и идти на такой риск. Конечно, мне надарили много наркоты в Мемфисе и совсем не хотелось расставаться с таким уловом, но и его я мог положить в самолет и отправиться в путь чистым. С чего вдруг я нагрузил машину так, будто решил заделаться дилером? Не помню, может быть, самолет улетел уже после того, как я проснулся. Помню только, что очень долго возился, отдирая панели и распахивая припасы. Притом что пейотль — вообще допинг не очень моей категории.

В карманчиках кепки были гашиш, туалет и немного кокса. Я приветствую полицию взмахом кепки, и гашик с капсулами летят в кусты. “Добрый день, офицер! (Взмах кепкой.) Ой, я что-то нарушил? Какой-то местный закон? Извините,

пожалуйста, я из Англии. Ехал не по той стороне дороги, да?” Пару слов, и они уже сбавили обороты. Плюс дури больше нет. Правда, только какой-то части. На сиденье они углядели охотничий нож, который позже решили записать как доказательство “скрытого ношения оружия”¹, лживые ублюдки. Наконец, нам сказали следовать за ними на какую-то стоянку, расположенную под зданием местной мэрии. В дороге они, не сомневаюсь, видели, как мы выбрасывали из машины кое-что оставшееся.

Полицейские не стали обыскивать машину сразу по прибытии в гараж. Они сказали Ронни: “Так, ты иди в машину и заberi свои вещи”. У Ронни в салоне осталась какая-то то ли борсетка, то ли что, но он не только забрал ее, а еще и высыпал всю дурь в коробку с “Клинексом”. Вылезая, он сообщил мне: “Под водительским сиденьем”. Когда меня пустили в машину, мне забирать было нечего, нужно было только притвориться, что есть, а самому позаботиться о коробке. Но поскольку я ни хрена не соображал, что с ней делать, я просто чуть-чуть смял ее и засунул глубоко под заднее сиденье. После чего вылез и сказал, что, в общем, у меня все с собой. Почему они тут же не разобрали машину на детали, выше моего понимания.

К этому моменту они уже в курсе, кто у них на руках. (“Вот это да, вы посмотрите, кто нам попался, а!”) Но в следующую секунду они, видимо, перестают понимать, куда им деть международных звезд, оказавшихся под стражей в их участке. Приходится подтягивать силы со всего штата. Судя по их виду, они не знают и того, по какой статье нас приходить. Вдобавок они заметили, как мы дозваниваем-

¹ Скрытое ношение оружия — ношение или транспортировка личного оружия (на теле, в сумке, в автомобиле), когда оно не видно посторонним. Запрещено или регламентировано (требует лицензии) в некоторых штатах США.

ся до Билла Картера, и это должно было напугать их, потому что здесь мы очутились прямо в его угодьях. Картер вырос в городке Ректор и лично знал в Арканзасе каждый полицейский чин, каждого шерифа и прокурора, всех видных политиков. Наши хозяева, наверное, стали жалеть, что оповестили все новостные службы о своем улове. Перед судом уже собирались корреспонденты национальных СМИ — одна далласская телестанция ради преимущества в скорости даже наняла себе “Лирджет”. Поскольку дело происходило в субботу после обеда, полицейские стали названивать в Литл-Рок, желая получить указания от чиновников на уровне штата. Поэтому вместо того, чтобы запереть нас в клетке и пустить эту картинку путешествовать по всему миру, они оставили нас разгуливать в стенах кабинета начальника полиции, в так называемом “предупредительном заключении”. Где был Картер? Контора закрыта на выходные, сотовых телефонов еще не существует. Пока он не найдется, приходится ждать.

Тем временем мы думаем, как избавиться от оставшегося груза. Мы им просто напичканы. В 70-е я торчал качественно — на суперчистом мерковском¹ кокаине, пушистом фармацевтическом порошке. Мы с Фредди Сесслером двинулись в сторону толчка, причем никто и не думал нас сопровождать. “Господиисусе, — словечко, с которого Фредди начинал любое предложение, — у меня карманы ломятся”. Он достает пузырек с туалалом. Его так трясет от мысли, что надо спустить это в унитаз, что пузырек на хрен падает, и куча бирюзово-красных капсул катается повсюду, а он в это время пытается смыть имеющийся кокс. Я бросаю в унитаз и траву, и гашиш, жму на ручку,

1 То есть на кокаине производства *Merck & Co.* — американской фармацевтической компании, одной из крупнейших в мире.

это дерьмо ни хуя не смывается, травы слишком много, я жму и жму, и вдруг из-под стенки кабинки выкатываются эти капсулы. Я пытаюсь собрать все, побросать в унитаз, но не могу, потому что между мной и Фредди пустая кабинка, так что штук пятьдесят валяются без присмотра на полу посередине. “Господиисусе, Кит!” — “Спокойно, Фредди, я у себя все собрал, ты у себя все собрал?” — “Вроде да, вроде собрал”. — “Ладно, идем в среднюю и смываем все остальное”. Еб твою мать, дерьмо сыпалось у нас просто отовсюду! Что-то фантастическое, в каждом кармане, куда только ни глянь... Я в жизни не представлял, что ношу на себе столько кокса!

Главной бомбой был чемодан Фредди, который остался в еще не открытом полицией багажнике и в котором, мы знали, найдется кокаин. Просто не может не найтись. Фредди и я решили, что мы временно открещиваемся от него, от Фредди то есть, и говорим, что это подобранный нами автостопщик, но при этом мы рады, если понадобится, предложить ему услуги нашего адвоката, когда тот наконец осчастливит всех своим присутствием.

Где же был Картер? Чтобы подтянуть наши войска, ушло немало времени, в течение которого население Фордайса разрослось настолько, что впору было устраивать революцию. Не желая пропустить такое зрелище, люди прибывали отовсюду: из Миссисипи, Техаса, Теннесси. Ничего не должно было начаться, пока не найдут Картера, и он вообще-то сопровождал нас в туре, был где-то поблизости, просто взял заслуженный выходной. Так что у меня было время поразмыслить, как это я потерял всякую осторожность и забыл о правилах. Не нарушай закон и не давай полиции тебя останавливать. У копов где угодно, тем более здесь, на Юге, при желании найдется куча якобы за-

конных поводов тебя свинтить. И тогда они без проблем могут упечь тебя на девяносто дней. Потому-то Картер и предупреждал нас не сворачивать с федеральных трасс. Библейский пояс по тем временам был затянут куда туже, чем сейчас.

Когда-то, на первых гастролях, мы наматывали огромное количество сухопутных миль. С придорожными заведениями было интересно, никогда не угадаешь. Тебе нужно было собраться, приготовиться и оставаться наготове. Попробовали бы вы году эдак в 1964-м, или 1965-м, или 1966-м заявиться на стоянку автофургонов где-нибудь глубоко на юге или в Техасе. Здесь было куда опаснее, чем в любых городских трущобах. Ты заходишь, вокруг солидное мужское общество, и постепенно понимаешь, что отдохнуть с комфортом здесь, на виду у всех этих дальнобойщиков с наколками и уставным полубоксом, у тебя не получится. По-быстрому, нервно подметаешь еду с тарелки: “Ой, а это, если можно, с собой”. Они нас называли девочками — из-за длинных волос: “Как дела, девчонки? Потанцуем, не?” Да уж, волосы... Мелочи, о которых не задумываешься и которые меняют целые культуры. То, как реагировали на нас в те годы в некоторых частях Лондона, несильно отличалось от того, как на нас реагировали здесь, на Юге. “Привет, красавица” и вся такая херня.

Оглядываешься назад и понимаешь, что находился под постоянным прессом, однако в то время ни о чем таком не думалось. Во-первых, каждый раз это был новый опыт, и ты не сознавал, чем он для тебя обернется или не обернется. Ты вживался во все по чуть-чуть. Лично я обнаружил, что в таких ситуациях, если противная сторона видела гитары и понимала, что мы музыканты, почему-то вдруг проблем не возникало. Так что идешь в кабак для дальню-

бойщиков — прихвати гитару. “Играешь, сынок?” Иногда мы и играли — брали гитары в руки и отработывали ужин песнями.

Впрочем, всего-то дел было — переместиться в другую часть города, как говорится, за железную дорогу¹, и ты попадал в настоящую школу жизни. Если мы играли с черными музыкантами, они не бросали нас без присмотра. Что-то в духе “Эй, компанию на ночь не желаешь? Ей понравится. Такого, как ты, у нее еще не было”. Тебя привечали, тебя кормили, тебя укладывали в постель. Белая часть города вымирала, но по ту сторону железной дороги движуха была в полном разгаре. Когда ты знаком с лабухами, у тебя все круто. Потрясающий опыт.

Бывало, мы давали два или три шоу в день. Выступления длились недолго — три раза за день по двадцать минут или полчаса. В остальном ожидали своей очереди, потому что в основном это были ревю: черные группы, любители, местные белые знаменитости, что угодно, и, если дело происходило на юге, этому не было конца. Города и штаты проносились мимо со свистом. Это называется угаром белой полосы. Когда не спишь, проводишь время, уставившись на разделительную посередине дороги, и только изредка кто-то говорит: “Надо облегчиться” или “Есть хочется”. Тогда ты попадал в этот маленький придорожный театр — на обочинах проселочных дорог в обеих Каролинах, Миссисипи и прочих таких местах. Например, выпрыгиваешь с одной только мыслью, где бы отлить, видишь букву М, а стоящий рядом черный чувак говорит: “Только для цветных!” Озарение: “Меня же дис-

¹ “За железной дорогой” (*across the track(s)*) — выражение, буквально обозначающее другую часть города: чаще всего бедную в противоположность зажиточной, в американском контексте — черную в противоположность белой. В переносном смысле обозначает находящуюся по соседству иную культурную среду, как правило, негритянскую культуру по соседству с белой.

криминируют!” Или проезжаешь мимо одного из махоньких джук-джойнтов¹, а оттуда гремит что-то охрнительное и из окон валит пар.

— Эй, тормози!

— Может быть небезопасно.

— Да ты что, ты только послушай!

И внутри ты видел банду из трех человек, трех невъебренных черных мужиков, а вокруг крутят задницами девахи с долларовыми купюрами, заткнутыми в стринги. И когда тыходишь, на секунду все прямо застывают на месте, потому что ты первый белый, который здесь появился, но они знают, что атмосфера слишком накалена, чтобы пара-другая белых пацанов могла что-то испортить. Тем более раз мы не похожи на местных. И их все это очень интригует, и от этого нас начинает переть еще больше. Но потом нам опять нужно в дорогу. О, блин, я бы остался здесь на неделю! Приходится протискиваться к выходу, миловидные черные дамы сжимают тебя между своих огромных грудей. Выходишь весь мокрый и в чужих духах, все садятся в машину, благоухают, и музыка угасает где-то на заднем плане. Думаю, для кого-то из нас это было как оказаться на небесах — год назад мы чесали по лондонским клубам и, в общем, были довольны жизнью, но теперь, всего лишь год спустя, мы оказались в месте, куда, думали, нам попасть не светит. В Миссисипи. Раньше мы играли эту музыку, все очень чинно, но теперь-то мы нюхнули ее вживую. Растешь с мечтой стать блюзменом, следующий кадр — ты, твою мать, сам блюзмен, ты в самой гуще блюзменов, а рядом на сцене стоит

1 Джук-джойнт (*juke-joint*) — питейное заведение в сельскохозяйственных негритянских общинах в юго-восточных штатах с живой музыкой, дансингом и азартными играми. Как правило, джук-джойнты располагались на перекрестках.

Мадди Уотерс. Это происходит так быстро, что фактически нет возможности зафиксировать все впечатления, которые на тебя обрушиваются. Осознание приходит только потом, вспышками памяти, а в тот момент ты просто перегружен. Ведь одно дело играть песню Мадди Уотерса и совсем другое — играть ее вместе с Мадди Уотерсом.

Билла Картера наконец отследили в Литл-Роке, где он отдыхал в гостях на барбекю у друга, очень кстати оказавшегося судьей. Билл должен был снять самолет и прилететь через пару часов с судьей под ручку. Этот приятель Картера лично знал офицера из полиции штата, который собирался обыскать нашу машину, и сообщил ему, что тот не имеет на это права, а также настоятельно порекомендовал воздержаться от обыска, пока он сам не прибудет на место. Все замерло еще на два часа.

Билл Картер еще с колледжа участвовал в местных избирательных кампаниях, поэтому знал почти всех важных лиц в штате. Кроме того, люди, на которых он работал в Арканзасе, теперь стали влиятельными демократами в Вашингтоне. Его ментором был сам Уилбер Миллс, уроженец Кенсета, — глава Бюджетного комитета Конгресса, второй самый могущественный человек после президента. Картер вырос в бедной семье, служил в авиации во время Корейской войны, армейскими деньгами оплатил себе юридическое образование, а когда деньги кончились, нанялся в Секретную службу и оказался в личной охране Кеннеди. В Далласе в тот день его не было — он проходил переподготовку, — однако он успел побывать с Кеннеди везде, где мог, планировал его поездки и знал всех ключевых чиновников в штатах, которые посещал президент. Ближний круг, одним словом. После смерти Кеннеди он работал следователем в комиссии Уоррена, а потом открыл собственную

адвокатскую практику в Литл-Роке, сделавшись чем-то вроде народного заступника. Смелости ему было не занимать. Он всерьез относился к правопорядку, к необходимости поступать по закону, к Конституции — и преподавал все это на полицейских семинарах. По его словам, он пошел в адвокаты, потому что не мог смириться, что полицейские по обыкновению злоупотребляют своей властью и вертят законом как хотят — что, кстати, прямо относилось почти ко всем, кто встречался ему в разъездах вместе с *Rolling Stones*, едва ли не в каждом городе. Как адвокат Картер был для нас просто подарком.

Когда в 1973 году нам отказали в разрешении на въезд, в качестве козыря он использовал свои старые контакты в Вашингтоне. В конце того года впервые отправившись в столицу в качестве нашего представителя, он увидел, что воля Никсона беспрекословна и обязательна к выполнению на всех бюрократических этажах вплоть до самого нижнего. Ему было официально заявлено, что *Rolling Stones* больше никогда не будут гастролировать в Соединенных Штатах. Помимо нашего статуса самой опасной рок-н-рольной группы в мире, подстрекательства к беспорядкам, вызывающего поведения, пренебрежительного отношения к закону чиновники с раздражением приводили эпизод с Миком, который однажды вышел на сцену в костюме дяди Сэма. Одного этого было достаточно, чтобы не пустить его в страну. Как же, священная звездно-полосатая тряпочка! Приходилось быть осторожным, чтобы не навлекать на себя гнев патриотов. Брайан Джонс как-то подобрал американский флаг, валявшийся за кулисами, — это случилось еще в середине 1960-х, кажется, в Сиракузах, штат Нью-Йорк. Он набросил его себе на плечо, но конец касался земли. Все происходило после концерта, мы собирались возвращаться в отель, когда

полицейские из сопровождения затолкали нас в офис и начали орать: “Волочить флаг по полу! Хотите унижить мою страну? Это что, призыв к бунту?”

У меня тоже был послушной список, никуда не денешься. К тому же все хорошо знали — что еще могла писать обо мне пресса? — о моей героиновой зависимости. Я только что, в октябре 1973-го, схлопотал в Британии обвинение в хранении вдобавок к такому же во Франции в 1972-м. Когда Картер начал ходить по кабинетам, Уотергейт набирал обороты — некоторые подручные Никсона уже сидели, не за горами было падение самого Никсона вместе с Холдманом, Митчеллом и прочими, кое-кто из которых лично заодно с фэбээровцами участвовал в закулисной кампании против Джона Леннона.

Преимуществом Картера в переговорах с иммиграционными чиновниками было то, что он считался своим — ветераном силовых ведомств, заработавшим авторитет на службе у Кеннеди. Он выдавал им порцию: “Мужики, я знаю, что вы чувствуете” — и говорил, что просто хочет внимания к нашему делу, потому что, по его мнению, к нам отнеслись несправедливо. Он подбирался к цели мало-помалу, долгими месяцами изнурительного обивания порогов. В первую очередь он обхаживал нижестоящих, прекрасно понимая, что эти могут затормозить процесс на уровне формальностей. Чтобы доказать, что мой организм чист от наркотиков, я прошел медицинское обследование — у того же врача в Париже, который уже не раз выписывал мне справки о полном здоровье. Потом случилась отставка Никсона. И тогда Картер попросил одного высокопоставленного чиновника поговорить с Миком лично и решить вопрос по результату. Разумеется, Мик напяливает костюм и очаровывает парня по самые уши. Мик — самый разносторонний

чувак на планете. За что его и люблю. Он мог бы провести философскую дискуссию с Сартром на его родном языке. И с местными Мик всегда ладит лучше других. Картер рассказал, что подал запрос на визы не в Нью-Йорке или Вашингтоне, а в Мемфисе, где атмосфера была поспокойнее. Результат оказался неожиданным. Разрешения и визы были выданы быстро с одним условием: Билл Картер сопровождает *Stones* в турне и лично гарантирует властям, что массовых беспорядков не случится и за все время никто не совершит ничего противозаконного. (Они также потребовали иметь сопровождающего врача; им стал один почти литературный персонаж, который позже появится в этой истории, — жертва гастрольного графика, сам любитель препаратов, под конец сбежавший с группы.)

Картер дал им дополнительные гарантии, сообщив, что собирается организовать тур в стиле секретной службы, координируя действия с полицией. Наличие же у него других контактов означало, что, если полиция будет планировать задержание, информация об этом попадет к нему заранее. Впоследствии это не раз спасало наши шкуры.

Со времен тура 1972 года ситуация в стране стала жестче — демонстрации, антивоенные марши и прочее наследие президентства Никсона. Первый звоночек прозвенел в Сан-Антонио 3 июня. Эти гастроли проходили под знаменем гигантского надувного члена. Он поднимался на сцене в момент, когда Мик пел *Starfucker*¹. Это было шикарно, в смысле, член был шикарный, хотя мы потом за это поплатились — на каждых следующих гастролях Микю хотелось иметь какую-нибудь бутафорию, чтобы ком-

1 Ввиду непристойности названия (в переводе “Звездоб”) официально песня вышла под названием *Star Star* (исходя из текста можно перевести как “Звездо-, звездо-”).

пенсировать свои комплексы. Вспоминаю великий переполох в Мемфисе с попыткой выступить со слонами, пока те не покрушили трапы и не засрали на репетициях всю сцену, после чего идея была заброшена. На первых двух концертах тура в Баттон-Руже никаких проблем с членом не возникло. Но он стал приманкой для копов, которые потеряли надежду сцапать нас в гостинице, во время переездов или в гримерке. Единственным местом, где они могли нас достать, была сцена. В Сан-Антонио они пригрозили арестовать Мика, если член надуют принародно. Картер предупредил их, что тогда толпа просто сожжет арену. Он оценил обстановку и понял, что зрители, скорее всего, такого не потерпят. В конечном счете Мик решил прислушаться к властям, и эрекции в Сан-Антонио не случилось. В Мемфисе, когда Мику сказали, что арестуют его за припев *Starfucker, starfucker*, Картер встал в стойку и предъявил плейлист местной радиостанции, из которого следовало, что песню играли в эфире уже два года без всяких жалоб. Картер ясно видел — и был готов драться по этому поводу при любом случае, — что, где только ни показывалась полиция, в любом городе, она нарушала закон, действовала против правил, пыталась вломиться без ордера, устроить обыск без достаточных оснований.

Так что к моменту, когда Картер наконец добрался до Фордайса с судьей под мышкой, какой-то протокол на нас уже составили. В городе собрался солидный журналистский корпус, на дорогах установили блокпосты, чтобы больше никого не впускать. Полиции хотелось одного — открыть багажник, где, они были уверены, найдутся наркотики.

Начали с того, что предъявили мне обвинение в опасном вождении, — это потому, что, когда я выезжал со стоянки ресторана, из под моих визжащих колес вылетал гравий. Целых двадцать ярдов опасного вождения. Обвинение номер два — “скрытое ношение оружия”: это про охотничий нож. Но багажник — другое дело, здесь им по закону требовалось указать “достаточное основание”, то есть должно было иметься доказательство или обоснованное подозрение, что было совершено преступление. В противном случае обыск противозаконен, и даже если они найдут что искали, дело не завести. Они могли бы открыть багажник, если бы увидели через окно машины какую-нибудь контрабанду, но ничего такого они не видели. Эта история с “достаточным основанием” теперь, когда вечер подходил к концу, часто становилась причиной громких переругиваний между разными присутствовавшими чинами. Картер, явившись, первым делом заявил, что обвинение очевидно сфабриковано. В качестве достаточного основания коп, который меня остановил, додумался рассказать историю про запах марихуаны, который донесся до его носа из окна нашей машины, когда мы отъезжали, — именно поэтому они и захотели открыть багажник. “Они, наверное, думают, что я лох деревенский”, — сказал нам Картер. Копы, по сути, утверждали, что минуты между выходом из ресторана и отъездом нам хватило, чтобы раскурить косяк и заполнить машину дымом настолько, чтобы его можно было обонять на расстоянии многих ярдов. По их словам, именно по запаху они нас и арестовали. Одно это подорвало всякое доверие к доказательствам обвинения. Картер обсудил вопрос с уже рычавшим от бешенства начальником полиции, у которого, с одной стороны, имелся осужденный город, но который, с другой стороны, понимал,

что может отменить завтрашний концерт на сцене *Cotton Bowl* в Далласе с уже раскупленными билетами, если задержит нас в Фордайсе. Этот человек, шеф Билл Гоубер, для нас и для Картера выглядел воплощением быдловатого копа-южанина, местным вариантом моих друзей из участка в Челси, всегда готовых подмять закон под себя и покуражиться своей властью. *Rolling Stones* задевали Гоубера лично — своей одеждой, волосами, музыкой, всем, что они символизировали, особенно же — презрением к авторитетам, *ego* авторитетам. Никакой субординации. Даже Элвис говорил им: “Так точно, сэр”. Элвис, но не это отребье. Поэтому Гоубер наплевал на предупреждения Картера, что тот дойдет до Верховного суда, и дал команду открыть багажник. И, когда багажник открыли, всех ждал суперприз. Люди просто попадали от хохота.

Когда из Теннесси, тогда по большей части “сухого” штата, ты переезжал мост, ведущий в Западный Мемфис, что уже в Арканзасе, повсюду начинались магазинчики, торгующие алкоголем, фактически самогоном, в бутылках с коричневыми этикетками. В одной такой лавке мы с Ронни разошлись не на шутку — скупали любую тару с бурбоном, где только видели понтовые названия: “Летающий петух”, “Бойцовый петух” или “Серый майор” — все эти прикольные фляжки с экзотическими письменами, выведенными от руки. В багажнике таких было штук шестьдесят. Так что теперь мы ни с того ни с сего попали под подозрение в бутлегерстве. “Нет, мы их купили, мы за них расплатились”. И, я думаю, все это бухло спутало им карты. Все-таки на дворе 1970-е, и пьяницы — это совсем не то что торчки, тогда их четко отделяли друг от друга: “Хоть, как настоящие мужики, пьют виски”. А потом они достали чемодан Фредди, запертый, и он сказал им, что забыл комбинацию.

Они взламывают чемодан, и там, естественно, лежат два маленьких контейнера фармацевтического кокаина. Гоубер решил, что сцапал нас намертво — или как минимум сцапал Фредди.

Какое-то время разыскивали местного судью, уже затемно, и, когда тот прибыл, выяснилось, что он провел весь вечер за гольфом и выпивкой — к этому моменту он был уже на бровях.

И вот тогда началась настоящая комедия, абсурд, кистунские полицейские¹: судья занимает свое место, а законники и копы со всех сторон с большим трудом стараются донести до него свое видение ситуации. Гоуберу нужно было от судьи постановление о законности обыска и допущения кокаина как улики, после чего нас всех задерживали по уголовным обвинениям — то есть бросали за решетку. От решения этого тонкого юридического вопроса, можно сказать, зависела судьба *Rolling Stones*, по крайней мере в Америке.

Дальше происходило нижеследующее, почти дословно, на основе того, что слышал я сам и что рассказал впоследствии Билл Картер. Это самый быстрый способ изложить историю, да простит меня Перри Мейсон.

В ролях:

Билл ГОУБЕР. Шеф полиции. Мстительный, разъяренный.

Судья УИНН. Председательствующий судья в Фордайсе.

Очень нетрезвый.

ФРЭНК УИНН. Обвинитель. Брат судьи.

Билл КАРТЕР. Знаменитый пробивной уголовный адвокат, представляющий *Rolling Stones*. Уроженец Арканзаса, из Литл-Рока.

1 *Keystone Kops* — команда некомпетентных полицейских из серии немых комедий, выпущенных *Keystone Film Company* в 1912–17 гг.

ТОММИ МЕЙС. Обвинитель. Идеалист, недавний выпускник юрфака.

ОСТАЛЬНЫЕ ПРИСУТСТВУЮЩИЕ. Судья Фэйрли, привлеченный Картером в качестве арбитра, а также на случай, если его самого придется вызволять из тюрьмы.

СНАРУЖИ ЗДАНИЯ СУДА:

ДВЕ ТЫСЯЧИ ФАНАТОВ *Rolling Stones*, наседающих на ограждения, выставленные по периметру здания, и скандирующие: “Свободу Киту! Свободу Киту!”

В ЗАЛЕ СУДА:

СУДЬЯ. Итак, полагаю, мы тут разбираем дело уголовное. Уголовное, дженнмены. Зассушаем стороны. Сспадин обвинитель?

МОЛОДОЙ ОБВИНИТЕЛЬ. Ваша честь, здесь у нас сложности с доказательствами.

СУДЬЯ. Ссех прошу прощения, одну минуточку. Я прервусь. *[Замешательство в суде. Рассмотрение останавливается на десять минут. Судья возвращается. Его задачей было забежать в магазин через дорогу, чтобы успеть купить пинту бурбона до закрытия в десять. Бутылка теперь у него в носке.]*

КАРТЕР *[по телефону Фрэнку Уинну, брату судьи]*. Фрэнк, ты где? Давай быстрее. Том совсем пьяный. Угу. Хорошо. Хорошо.

СУДЬЯ. Праалжаем, спадин... а... праалжаем.

МОЛОДОЙ ОБВИНИТЕЛЬ. Полагаю, по закону мы лишены возможности, ваша честь. У нас нет оснований их задерживать. Полагаю, нам придется их отпустить.

ШЕФ ПОЛИЦИИ *[судье, срываясь на крик]*. Черта с два! Ты дашь этим ублюдкам просто так уйти? Знаешь что, судья,

я тебя арестую. Можешь не сомневаться! Ты же под мухой. Пьяный в общественном месте. Какое право ты имеешь заседать в суде в таком состоянии? Ты позор для этого города! *[Пытается стащить его с кресла.]*

Судья *[кричит]*. Ах ты сукин сын! А ну убери от меня руки! Мне угрожать? Да я тебя к чертовой матери... *[Потасовка.]*

КАРТЕР *[подбегает, чтобы разнять дерущихся]*. Эй! Ребята, ребята, спокойней. Не будем распускать руки. Давайте продолжим как культурные люди. Не время вываливать на стол свое хозяйство, так сказать, ха-ха... У нас тут телевидение, мировая пресса снаружи. Некрасиво выйдет. Подумайте, что об этом скажет губернатор. Вернемся лучше к делу. Думаю, мы сможем о чем-нибудь договориться.

СУДЕБНЫЙ КЛЕРК. Прошу прощения, судья. У нас новости Би-би-си на прямой связи из Лондона. Спрашивают вас.

Судья. Ну хорошо. Извините, ребятки. Щас вернусь. *[Прикладывается к вынутой из носка бутылке.]*

ШЕФ ПОЛИЦИИ *[по-прежнему на повышенный тонах]*. Чертов цирк какой-то! Картер, черт возьми, твои пацаны нарушили закон. В их машине нашли кокаин. Тебе что, этого мало? Посажу их на фиг, и все. Будут вести себя как у нас здесь положено или пусть получают по полной программе. За сколько они тебя купили, парень? Если судья не даст добро на обыск, будет у меня сидеть за пьянство в общественном месте.

Судья *[комментирует для Би-Би-Си]*. Еще бы, я был в Англии во время Второй мировой. Штурман-бомбардировщик, 385-я летная группа, база была в Грейт-Эшфилде. Прекрасно проводил время у вас там... О, Англию обожаю. Поля для гольфа — одни из лучших, где я только

играл... В Уэнтворте? Точно. Кстати, чтоб все знали, мы тут собираемся устроить пресс-конференцию с ребятами, расскажем, что у нас тут происходит, как *Rolling Stones* оказались в городе, все в таком духе.

ШЕФ полиции. Они сейчас в моих руках, и я их никуда не отпускаю. Эти жалкие английские педики... все, я их достану. Что они вообще о себе думают?

КАРТЕР. Хочешь, чтоб народ взбунтовался? Видел толпу на улице? Они хоть раз увидят наручники — ты с ними больше не справишься. Это *Rolling Stones*, не понимаешь?

ШЕФ полиции. И твои мальчики отправляются за решетку. Судья [*возвращается после интервью*]. Что такое?

БРАТ СУДЬИ [*отводит его в сторону*]. Том, надо покумекать. У нас нет законной причины их держать. Если пойдем в обход закона в этом деле, нам такого покажут — не разгребем.

Судья. Сам знаю. Еще бы. Угу. Угу. Мисср Картер, все, подойдите сюда.

Запал постепенно вышел из всех, кроме Гроубера. Обыск не дал ничего, что можно было бы использовать по закону. Обвинять нас было не в чем. Кокаин принадлежал Фредди-автостопщику, и обнаружили его противозаконно. К этому моменту почти вся полиция штата была на стороне Картера. После долгих обсуждений и перешептываний Картер и остальные правоведа пришли к соглашению с судьей. Очень простому. Судья пожелал оставить себе охотничий нож и снять связанное с ним обвинение — нож этот до сих пор висит в зале суда. Он также понизил обвинение в опасном вождении до мелкого правонарушения со штрафом почти как за неправильную парковку, за которое я должен был заплатить 162 доллара 50 центов. Из 50 тысяч наличны-

ми, захваченными с собой в Фордайс, Картер отдал 5 тысяч залога за Фредди и кокаин с договоренностью, что после он оспорит статус кокаина как улики на процессуальных основаниях, так что Фредди тоже мог гулять. Однако нам поставили последнее условие. До отъезда мы должны были дать пресс-конференцию и сфотографироваться в обнимку с судьей. Мы с Ронни провели пресс-конференцию прямо с судейского места. Меня, к этому моменту красовавшегося в пожарном шлеме, камеры запечатлели бьющим по столу судейским молотком и объявляющим прессе: “Дело закрыто”. Уф!

Это был классический исход для *Rolling Stones*. Перед властями, арестовавшими нас, всегда стоял необычный выбор. Что тебе интереснее: посадить их в клетку или сфотографироваться с ними и отрядить кортеж для их сопровождения? Разные люди выбирали разное. В Фордайсе с превеликим трудом мы получили кортеж. В два часа ночи полиции штата пришлось везти нас через плотную толпу до самого аэропорта — там под парами поджидал наш самолет с солидным запасом *Jack Daniel's*.

В 2006 году политические амбиции губернатора Арканзаса Майка Хаккаби, который собирался побороться за место кандидата на президентских выборах от Республиканской партии, коснулись и моей персоны в виде официального помилования за мелкое правонарушение тридцатилетней давности. Губернатор Хаккаби считает себя моим коллегой-гитаристом. Кажется, у него даже есть своя группа. На самом деле помиловать меня было не за что. Никакого преступления за мной в Фордайсе не числилось,

но кому какая разница, помиловали, и все. Но черт, что же произошло с той машиной? Мы оставили ее в гараже, напичканную наркотиками. Хотел бы я знать, что случилось с этими пакетами. Может, никто так и не снял панели. Может, до сих пор кто-то ездит на ней, а там по-прежнему полно дури.